Про Добрыню Никитича и отца его Никиту Романовича

Доселева Рязань селом слыла,
А нынече Рязань слывет городом.
И жил во Рязане богатый гость,
Что по имени Никита сын Романович,
Девяносто лет жил Никита, не старился.
Выводил из стойла добра коня,
Накладывал потнички бумажные,
На потнички — ковры сорочинские,
На коврики — седелочки черкасские,
Подтягивал подпруги шелковые,
Двенадцать подпруг шелковых,
Садился старой на добра коня.
Не ясен сокол в перелет летал,
Не белый кречет перепорхивал —
Тут ехал удалой добрый молодец.
Под ним добрый конь как бы лютой зверь,
На коне-то сбруя под оправою,
Под оправою однозолотною,
Сам на коне, как сокол, сидит.
Едет он ко городу Киеву,
Едет он ко ласкову князю Владимиру,
Ко солнышку ко Сеславьеву,
Едет он ко высокому ко терему,
Выезжает на улицу на широку.
Со добра коня Никитушка соскакивал,
Ни к чему он коня не привязывал,
Никому он коня не приказывал.
Спрашивал он у ворот привратников,
Спрашивал у дверей придверников,
Отворял двери потихошеньку,
Запирал он двери помалехоньку,
Крест кладет по-писаному,
Поклон ведет по-ученому:

— Здравствуешь, ласковой Владимир-князь
Со душечкой со княгинею!
— Добро жаловать, удалый добрый молодец,
Ты Никита сын Романович,
За один ты стол хлеба кушати.
Он кладет крепок и со панцирем
На дубовый стол.
Отошедши, Никита поклоняется:
— Ой ты гой еси, ласковой Владимир-князь,
Ты давай мне попа, отца духовнова,
Давай ты игумна и пострижника,
Давай монаха и учителя
При старости мне лет душу спасти.
И проговорит ласковой Владимир-князь:
— Гой еси ты, удалой добрый молодец,
Гой еси, Никита сын Романович,
На кого ты оставляешь стольный Киев-град,
На кого оставляешь меня, князя Владимира?
Проговорит Никита сын Романович:
— Я надеюся на чадо свое милое,
На того ли на Добрыню на Никитича.
Проговорит ласковый Владимир-князь:
— Гой еси, Никита сын Романович,
Он малешенек ишшо и глупешенек,
Глупешенек — только трех годов.
Он дает ему попа, отца духовнова,
Дает игумна и пострижника,
Дает монаха и учителя.
Немного Никита пожил — переставился,
Остается у Никиты житье-бытье,
Остается у Никиты все богачество,
Остается у Никиты молодая жена,
Молода Амельфа Тимофеевна,
Остается у Никиты чадо милое —
Молодой Добрыня Никитьевич,
Молодой Добрыня семи годов.
Стал Добрынюшка на возрасте,
На возрасте в пятнадцать лет,
Стал по улице похаживать,

Стал он палицей помахивать,
Зачал сабелькой пофыркивать,
Стал он копьицом подпиратися.
У Добрыни сердце возъярилося,
Могучи плечи расходилися —
Не может уничтожить свое ретиво сердце.
Идет он во светлую во светлицу,
Сам говорит таковы слова:
— Гой еси ты, моя матушка родимая,
Молода Амельфа Тимофеевна,
Сдавай ты мне коня богатырского,
Сдавай ты всю сбрую богатырскую!
И проговорит ему родима матушка:
— Ах ты, мое дитятко сердечное,
Ты малешенек еще и глупешенек.
Поживи-ко ты ишшо малешенько,
Покопи-ко ты ишшо ума-разума,
Потерять тебе будет буйна голова.
— Ах ты, матушка моя родимая,
Не могу я уничтожить ретиво сердце,
Мне охота съездить далече,
Съездить далече во чисто поле,
Пострелять мне гусей-лебедей
И пушистых перелетных серых уточек.
Не могла мать переставить таковы слова.
И выводит она ему добра коня
Из тоя из конюшни из новыя,
И выносит всю сбрую богатырскую.
И накладывал Добрыня потнички бумажные,
И на потнички — ковры сорочинские,
И на коврички клал седелички черкасские,
Подтягал двенадцать подпруг шелковых,
Надевал на себя платье соотцовое,
Соотцово платье ему узехонько и коротехонько,
И ставал он в стременышко гольяшное,
И садился он в седелышко черкасское.
И стоит его матушка у стремена,
Молода Амельфа Тимофеевна,
И плачет она, как река течет,

И сама говорит таковы слова:
— Ах ты, мое дитятко сердечное,
Поедешь ты далече во чисто поле,
Постреляшь ты сколько гусей-лебедей
И пушистых перистых малых уточек,
И приедешь ты ко батюшку Днепру-реке,
Захотись тебе будет покупатися,
Захотись тебе будет, Добрынюшка, потешиться,
И станешь ты, серый селезень, поплавати
И, ярый гоголь, поныривать.
Через первую ты струечку переплывешь,
Через втору струечку переплывешь,
Через третью струечку не плавай ты:
И тут струи вместе соходятся,
И унесет тебя к горам, горам ко высоким,
Ко тому тебя ко люту змею —
Пожрет тебя злой Змеишшо Горынишшо.
Благословился он у своей родимой матушки
И поехал в далече, в чисто поле.
И стрелял он сколько гусей-лебедей
И пушистых перистых малых уточек.
И приехал он к батюшку Днепру-реке,
И вздумал он покупатися,
И вздумал он, удалой добрый молодец, потешиться.
И стал он, серый селезень, поплавати,
И стал он, ярой гоголь, поныривать.
Через первую струечку он переплыл,
И через втору струечку он переплыл.
У Добрыни сердце возъярилося
И могучи плечи расходилися,
Переставил он матушкино благословеньицо.
И тут струи вместе соходилися,
Унесло его к горам-горам, ко пещерам.
Услышал змеишшо за пятнадцать верст
Поплавку его богатырскую,
Вылетат из пещеры глубокия
И летит на Добрыню Никитича,
И зычит-кричит зычным голосом:
— И святы отцы писали-прописалися,

Сказали: мне от Добрыни смерть будет.
Я теперь Добрынюшку живьем сглону,
Живьем сглону и хоботом убью,
И Добрыню искрой засыплю!
И тут Добрыня приужахнулся:
— Ах ты, Змеишшо, злой Горынишшо,
Не честь твоя, хвала молодецкая —
Наступаешь ты на тело нагое,
Тело нагое — то же мертвое.
Дай ты мне, змей, сроку на три дни,
На три дни и на три часа,
На три часа, на три минуточки.
И дает он ему сроку на три дни,
И дает он ему сроку на три часа,
И дает он ему сроку на три минуты,
Улетат опять змей в пещеры глубокие.
И выходит Добрыне три дни, три часа,
И выходит Добрыне три минуты,
Все он плават на синем море.
И летит опять Змеишшо, злой Горынишшо
Из той пещеры глубокия.
И доплыват Добрыня до желта песка,
И доплыват Добрыня крута бережка,
И выскакивал Добрыня на желты пески.
По желтым пескам Добрыня стал поскакивать,
Зажимал Добрыня ком желта песка,
Бросал в Змеишша, зла Горынишша,
Отшиб змеишшу тридцать хоботов,
И падал змеишшо на сыру землю,
И бил его Добрыня о сыру землю.
И тут змеишшо Добрыне взмолится:
— Я тебе, Добрыня, давал сроку на три дня,
Я давал тебе сроку и на три часа,
Я давал тебе сроку и на три минуты.
Проговорит Добрыня Никитич млад:
— Ты не будешь ли летать ко городу
И не будешь ли ты летать ко Киеву,
И ко ласкову князю Владимиру,
Не будешь ли уносить княгиню Апраксию?

Проговорил Змеишшо Горынишшо:
— Я не буду летать ко городу
И не буду летать ко Киеву,
И к ласкову князю Владимиру,
И не буду уносить княгиню Апраксию.
Проговорит Добрыня Никитич млад:
— Ты врешь, собака, неустойчивой!
Говорит тут Змей Горынишшо:
— Ты будь-ко мне, Добрыня, больший брат,
А я тебе буду, змеишшо, меньший брат.
Я дам тебе добра коня богатырского,
Я дам тебе потнички не почены,
Я дам тебе коврички не держаны,
Я дам тебе седелышко черкасское
И со всею сбруей богатырскою.
Туто молодцы побраталися:
Добрыня стал больший брат,
Змеишшо стал меньший брат.
Отпустил змея Добрыня в живности,
И улетел змеишшо в пещеры глубокие.
И подделал себе крылья бумажные,
Полетел он в стольный Киев-град
Ко ласкову князю ко Владимиру.
И ходила княгиня в зеленом саду,
И ступала княгиня с камня на камень,
Со бела камня ступала на бела [так!] змея.
Вокруг ног ее змеишшо обвивается,
Садит ее на могучи плечи
И унес ее в пещеры свои глубокие. . .
А там Добрыня приуправился,
И идет он в стольный Киев-град,
Ко своей он матушке родимыя.
И выходит его матушка на красно крыльцо,
И встречает она свое чадо милое,
Молодова Добрыню Никитича
На великих своих радостях.
И проговорит Добрыня Никитич млад:
— Здорово ты, матушка родимая,
Молодая Амельфа Тимофеевна!

И здорово ты живешь, здоровешенько?
— Ах ты, мое дитятко сердечное,
Я здорово живу, здоровешенько,
У нас у ласкова князя Владимира
Солучилося несчастьицо великое:
Вечор было поздым-поздёшенько
И ходила княгиня в зеленом саду,
И ступала княгиня с камня на камень,
Со бела камня ступила на люта змея,
И обвивался Змеишшо Горынишшо,
Обвивался вкруг резвых ног,
И садил ее змеишшо на могучи плечи,
И унес ее в пещеры глубокие.
И тут Добрыне за беду стало,
За великую досаду показалося:
— Ах ты, моя матушка родимая,
Мне змеишшо — меньший брат,
А я змею — больший-де брат.
Я поеду ему скорую смерть предам.
Поворачиват Добрыня добра коня
И свое поворачиват белое лицо.
Мать его стоит у стремена,
Сама говорит таковы слова:
— Ах ты, мое дитятко сердечное,
Он подделал крылья бумажные,
На крыльях змеишшо — сильный воин.
И ты поедешь к Змеишшу Горынишшу,
И станешь подъезжать ко горам ко высоким
И ко тем ко пещерам ко глубоким,
И услышит змеишшо за пятнадцать верст,
И станет надлетать над тебя, удала добра молодца,
И станет кричать зычным голосом,
И тут ты, Добрыня, приужахнешься,
И зними ты свои руки кверху на небеса,
И проси ты: «Спас ты, Спас, боже милостив
И мати пречистая, пресвятая богородица,
За ваш я дом стою, за церковь соборную,
И создай ты, господи, дождичка!»
И неоткуль гроза туча накатится

И скорым-скоро крупен дождь пойдет,
Подмочит его крылья бумажные,
И падет змеишшо на сыру землю.
Станете вы палицами битися,
По насадкам палицы будут разгоратися,—
Вы тот бой бросайте о сыру землю.
Станете вы саблями рубитися,
Сабельки у вас исщербятся,—
И тот бой бросайте о сыру землю.
Станете вы копьями колотися,
По насадкам у вас копья приломаются,—
И тот бой бросайте о сыру землю.
И вы друг друга чунбурами сподергайте,
Сохватаетесь вы, молодцы, ручным боем,
Распахивай ты свою полу правую
И выдергивай ты шелыгу подорожную,
И стегай ты змеишша по могучим плечам,
И стегай ты, приговаривай,
Что от конского поту змея пухла.
Застегашь ты его до смерти
Своей плетью шелковою.
Благословился он у своей матери родимыя
И поехал в далече, в чисто поле.
И едет он к горам-горам ко высоким
И ко тем пещерам ко глубоким.
Услышал Змеишшо Горынишшо,
Услышал за пятнадцать верст —
Едет-де Добрыня Никитич млад,
И летит к нему настречу,
И зычит-кричит зычным голосом:
— Что святы отцы писали-прописалися,
Сказали: мне от Добрыни смерть будет,
Смерть будет — живому не быть, живому не
Я теперь Добрыню живьем сглону,
Живьем сглону, хоботом убью,
Хоботом убью, искрой засыплю.
Тут Добрыня приужахнулся,
Знимал свои руки на небо,
Сам говорит таковы слова:

— Спас ли, Спас, боже милостивой,
Мати пречистая, пресвятая богородица,
Создай, господи, дождичка!
Неоткуль гроза-туча накатилася,
И скорым-скоро крупен дождь пошел —
Подмочило у змея крылья бумажные,
Падал змеишшо на сыру землю.
Они зачали палицами битися,
По насадкам у них палицы разгоралися,—
Они тот бой бросали о сыру землю.
Зачали саблями рубитися,
Сабельки их расщербилися,—
И тот бой бросали о сыру землю.
Стали они копьями колотися,
Копья у них приломалися,—
И тот бой бросали о сыру землю.
Они друг дружку чунбурами сподергали,
Сохватались молодцы ручным боем.
Распахивал Добрыня полу правую,
Вытягал шелыгу подорожную,
И стегал он змея по могучим плечам,
И стегал, сам приговаривал:
— От конского поту змея пухла!
И застегал Добрыня змеишша до смерти,
Изрубил змеишша в куски во мелкие.
И садился Добрыня на добра коня,
И поехал в пещеры глубокие,
И нашел он княгиню Апраксию.
Лежит княгиня на перине на перовыя,
На подушечках на пуховыих,
На правой руке у ней лежит змеинчишко
И на левой руке змеинчишко.
Так она ему, Добрыне, израдовалась,
Израдовалась, слезно заплакала:
— Ах ты гой еси, удалой доброй молодец,
Прилетит Змеишшо, злой Горынишшо
И пожрет обоих нас, добрый молодец!
И проговорит удалой добрый молодец:
— Великая ты, княгиня Апраксия,

Победил я Змеишша Горынишша,
Изрубил его на мелки куски
Своей сабелькой вострою.
Тут княгиня возрадовалась,
И стает она на резвы ноги.
Одного змеинчишка он взял разорвал,
И другого змеинчишка взял растоптал.
И садился Добрыня на добра коня,
И садил княгиню Апраксию,
И повез ко князю ко Владимиру,
Ко солнышку ко Сеславьичу.
И дорогой говорит таковы слова:
— Гой еси ты, молода княгиня Апраксия,
Покрестоваемся мы крестами однозолотными,
И ты будь мне сестра крестовая,
А я тебе буду крестовой брат.
Тут они крестами покрестовались.
И приехал Добрыня со княгинею
Во стольный Киев-град, на улицу широку,
И едет он на улицу на широку.
И увидел ласковый Владимир-князь
Во то окошечко косящато,
Во ту околенку стекольчату,
И бежит он скоро на красно крыльцо,
И радуется он удалу добру молодцу
И своей княгине Апраксии,
И сам говорит таковы слова:
— Гой еси ты, Добрыня Никитич млад,
Где ты взял княгиню Апраксию?
— Взял я ее у Змея у Горынишша
Во тех во пещерах во глубоких,
И похитил я Змеишша Горынишша,
Застегал его до смерти,
Изрубил змеишша на мелки куски.
И тут ласковый Владимир-князь возрадовался,
И сбирал он беседу-столованье,
Столованье, почестный пир,
И собирал он князьев-бояров,
И веселился он, радовался.

Как возговорит Владимир-князь:
— Гой еси ты, Добрыня Никитич млад,
Доступил ты княгиню Апраксию
От того от Змея Горынишша,
Дак благословляю тебе ее взять в замужество.
— Гой еси, ласковый Владимир-князь,
Мне нельзя ее взять за себя замуж:
Она будет мне, княгиня, сестра крестовая,
Покрестовались мы крестами однозолотными.

(Зап. С. И. Гуляев от Леонида Гавриловича Тупицына, 50 с лишком лет, работного д. Ересная, что в 6 км. от г. Барнаула)

Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока, 1991.